

Центр социально-экономических исследований

Марек Домбровски
Яцек Ростовски

ЧТО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ?

**ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА СТАБИЛИЗАЦИИ
В РОССИИ В 1992 г.**

Перевод с английского Ирины Синициной и Алексея Рогинко

Варшава, июнь 1995 г.

Материалы, публикуемые в настоящей серии, имеют рабочий характер и могут быть включены в будущие издания. Авторы высказывают свои собственные мнения и взгляды, которые не обязательно совпадают с точкой зрения Фонда CASE.

Данная работа была выполнена в рамках проекта *"Экономические реформы в бывшем СССР"* (*Reformy gospodarcze na terenie dawnego ZSRR*), финансируемого *Комитетом по научным исследованиям* (*Komitet Badań Naukowych*).

Редактор серии *Кишиштоф Хмелевский*

Редактор русского издания *Петр Козаржевский*

© Научно-исследовательский фонд CASE, Варшава 1995 г.

ISBN 83-86296-45-3

Издатель:

CASE — Центр социально-экономических исследований

Польша, 00-585 Warszawa, Bagatela 14

тел./факс (48-2) 628-65-81, (48-22) 29-43-83

1. Введение

Когда в ноябре 1991 г. команда Гайдара приняла бразды правления российской экономикой, она намеревалась осуществить программу экономической стабилизации и либерализации, весьма сходную с той, которая была с немалым успехом реализована в Польше в 1990 г. правительством Лешека Бальцеровича¹. Однако этой цели не удалось достичь и два года спустя, а большинство радикальных реформистов и «западников» вынуждено было выйти из состава правительства после выборов в декабре 1993 г. В данной работе рассмотрены четыре основных комплекса причин, определивших неудачи гайдаровских реформ:

- 1) проблемы, вытекающие из процесса разработки программы;
- 2) неудачи в имплементации программы;
- 3) проблемы, связанные со структурой российской экономики;
- 4) проблемы, связанные с политической структурой России.

В заключительном разделе рассмотрены вопросы, связанные с продолжающейся дискуссией о том, что должно осуществляться в первую очередь — стабилизация или приватизация.

2. Разработка программы либерализации и стабилизации экономики в России

Для подготовки российской программы стабилизации у команды Гайдара было всего два месяца — значительно меньше, чем у их коллег в других посткоммунистических странах². Кроме того, абсолютное политическое верховенство российских министров над министрами бывшего СССР было окончательно установлено лишь к концу ноября 1991 г.³. Наибольшее значение имел, однако, информационный и концептуальный хаос, царивший в тот период в правящих кругах России. Отчасти он был обусловлен тем обстоятельством, что многие из понятий, использовавшихся правительством, не были приспособлены для применения в рыночной экономике. Приведем лишь один из нескольких десятков примеров: в советской практике в доходы госбюджета включался прирост сбережений населения, которые в то время автоматически передавались правительству, хотя такое их использование следовало бы рассматривать как финансирование дефицита государственного бюджета. С другой стороны, доходы и расходы, связанные с приобретением или продажей иностранной валюты по множественным обменным курсам (включая все поступления от экспортных пошлин) исключались из государственного бюджета и учитывались в специальном «внешнеторговом бюджете»⁴. Проблема заключалась не в том, что новая команда не была в состоянии понять, куда следует относить отдельные статьи бюджетных расходов и доходов, а в том, что у нее было слишком мало времени, чтобы сделать это.

---

¹ Успех весьма схожей программы Клауса, которая была проведена в 1991 г. в Чехо-Словакии, укрепил их уверенность в правильности избранного подхода.

² Четыре месяца в Польше и более года в Чехо-Словакии.

³ Беловежское соглашение о роспуске Советского Союза было подписано 8 декабря 1991 г., вслед за президентскими выборами и референдумом о независимости на Украине, которые состоялись 1 декабря.

⁴ Это было сделано с целью «спрятать» его положительное сальдо, которое ожидалось в 1992 г., с тем, чтобы «внутренний» бюджет остался дефицитным, что должно было бы оказаться более привлекательным для популистского парламента.

Еще большая неразбериха была порождена распадом СССР. Российское министерство финансов вынуждено было определять, за какие расходы СССР и в каких пределах оно будет нести ответственность. То же, конечно, относилось и к доходам. В этих условиях бюджетное планирование стало практически невозможным, особенно в связи с тем, что эти процессы наложились на иные трудности определения величины государственного бюджета, обычные для условий высокой инфляции из-за действия так называемого эффекта Танци, который проявляется в высокой степени зависимости реальной величины бюджетных поступлений от уровня инфляции и от задержек внесения в бюджет налоговых платежей⁵. Кроме того, бюджетное планирование дополнительно осложнялось тем, что в значительной мере бюджет должен был пополняться за счет совершенно нового налога — налога на добавленную стоимость (НДС).

Столь же неясной выглядела и ситуация в сфере денежного планирования. Ключевым инструментом денежной политики является планирование динамики финансовых обязательств центрального банка — так называемой денежной базы⁶. Хотя Центральный банк России (ЦБР) стал преемником Государственного Банка СССР в середине декабря 1991 г., тем не менее процесс интеграции балансов этих двух учреждений занял более года. Поэтому, хотя Госбанк и не проводил операций в течение этого периода, сохранялась большая путаница при определении действительной величины обязательств ЦБР. В результате для каждого данного абсолютного прироста объема денежной базы было чрезвычайно трудно определить темпы такого прироста⁷.

Из-за информационного хаоса и концептуальной непроработанности реформ МВФ был дезориентирован относительно текущей бюджетной ситуации и количества денег в обращении и, более того, оказался неспособным вовремя отслеживать динамику макроэкономических параметров. Поэтому он оказался не в состоянии определить критерии, в соответствии с которыми можно было бы оценивать состояние российской экономики для того, чтобы точно установить, выполняет ли российское правительство взятые на себя обязательства или нет. В результате к началу реализации программы стабилизации в январе 1992 г. между Россией и МВФ не было заключено ни одного соглашения⁸. Подобные соглашения были, конечно, заключены и Польшей, и Чехо-Словакией еще до того, как эти страны начали реализацию своих программ. Подобная программа могла бы обеспечить, во-первых, создание крупного стабилизационного фонда (для России он мог бы составлять 5 млрд. долларов) для поддержки фиксированного курса рубля, и, во-вто-

---

⁵ При данном уровне отсрочки платежа во времени, которое проходит между моментом начала хозяйственной деятельности и моментом, когда налог на нее достигает государственной казны, чем выше темпы инфляции, тем ниже реальная стоимость налоговых поступлений. Более того, по мере нарастания инфляции увеличивается стремление максимально оттянуть срок платежа, что усиливает действие эффекта Танци. В период стабилизации действие эффекта Танци приобретает обратный характер, увеличивая реальную стоимость бюджетных поступлений. Проблема заключается в том, что прогнозировать его количественные последствия в обоих случаях весьма сложно, хотя это и чрезвычайно важно для проведения эффективного бюджетного планирования.

⁶ Главным образом наличные деньги и вклады коммерческих банков в Центральном банке.

⁷ В качестве еще одного примера можно привести проблему валютных счетов государственных предприятий во Внешэкономбанке, которые были заморожены советским правительством (и на размораживание которых российское правительство тогда не имело достаточных средств в форме валютных резервов). Их величина составляла 6 млрд. долларов. Осуществленная 1 января 1992 г. девальвация официального курса рубля с 5 рублей за доллар до 130 рублей за доллар означала гипотетическое увеличение объема этих счетов с 30 млрд. до 780 млрд. рублей, т.е. на 750 млрд. рублей, что составляло 70% от общего объема денежной массы в январе 1992 г.

⁸ Ключевая проблема для МВФ состояла в том, что ни Россия, ни до нее СССР не были, по сути дела, его членами. Однако это обстоятельство не должно было служить препятствием для стран большой семерки, которая действует вне формальных рамок МВФ.

рых, взаимоувязанный комплекс мероприятий, в рамках которых можно было бы оценивать и при необходимости корректировать политику стабилизации.

Если бы этот 5-миллиардный стабилизационный фонд был в распоряжении российского правительства в первом квартале 1992 г., то шансы на успех стабилизации выглядели бы предпочтительнее. Объем денежной массы М2 к концу января 1992 г. составил 1050 млрд. рублей, или 9 млрд. долларов по текущему курсу. Стабилизационный фонд, таким образом, обеспечил бы российскому правительству поддержку в размере более половины объема денежной массы. Поскольку такая поддержка была бы, очевидно, совершенно излишней, то обменный курс рубля мог бы быть зафиксирован на значительно более высоком уровне, скажем, 30 рублей за американский доллар⁹. На практике даже без каких-либо резервов курс рубля оставался практически неизменным с января по середину июля, несмотря на десятикратный рост цен. На фоне быстрого номинального роста рубля внутренняя инфляция могла бы быть быстро ограничена, что оказало бы благоприятное воздействие и на бюджет страны и, что более важно, на политическую ситуацию. Более того, в этом случае уже в самом начале реализации программы можно было бы ввести реальную внутреннюю конвертируемость рубля¹⁰. Наконец, при номинально возросшем рубле рост цен на энергоносители, необходимый для их выравнивания с уровнем мировых цен, был бы значительно меньшим. В результате экономический шок со стороны предложения, связанный с таким номинальным ростом цен [Rostowski 1994a и 1995], мог бы быть соответственно меньшим, что несколько затормозило бы спад промышленного производства. Экономическая политика прозападного правительства, поддерживаемая западной помощью, могла бы оказаться успешной. Таким образом, не приходится сомневаться в том, что отсутствие соглашения с МВФ сыграло существенную роль в провале российской стабилизации в 1992 г.¹¹

Возникает вопрос, не следовало ли при данных обстоятельствах отложить начало реализации программы стабилизации/либерализации за пределы 1 января 1992 г. Аргументация в пользу этого, исходящая из провала программы, всегда выглядит убедительно. Однако убедительны и причины, побудившие не откладывать начало ее реализации. Известно, что главным пунктом экономической программы нового правительства являлось освобождение в России почти всех цен. В результате в ожидании высокой инфляции после либерализации темпы скрытой инфляции резко возросли. Домашние хозяйства и предприятия демонстрировали массовое бегство от денег: все хотели приобретать товары

⁹ Если бы на начальном этапе был выбран режим установления плавающего обменного курса, то курс рубля, возможно, подскочил бы — либо в результате правительственных интервенций, либо вследствие того, что рынок ощутил бы силу рубля, получившего соответствующую поддержку.

¹⁰ Это чрезвычайно близко к конвертируемости текущих счетов. Неудача здесь стала серьезным фактором провала всей стабилизации.

¹¹ Для нас, следовательно, важно знать, в чем заключается основная причина того, что России и МВФ не удалось заключить соглашения. Поскольку если Россия окажется «потерянной для демократии», то можно будет проследить причинно-следственные связи вплоть до этого самого момента. Авторы убеждены, что на российское правительство можно возложить лишь незначительную часть вины, поскольку оно работало в центре политического и экономического урагана. Существовала, однако, тенденция недооценивать значение соглашения с МВФ. Сам МВФ можно обвинить в двух просчетах: первый связан с тем, что он потратил слишком много времени в первые месяцы работы правительства Гайдара на ведение переговоров о погашении задолженности от лица своих западных членов, а второй обусловлен его стремлением в течение всего 1992 г. сохранить рублевую зону. Однако основная вина лежит на правительствах стран «семерки», которые не смогли понять, что СССР прекратил существование, и которые, наконец, поняв это, были больше озабочены лишь спасением своих кредитов, чем поддержкой радикальных реформ, которые сами по себе и были бы лучшей гарантией возврата этих кредитов в конечном счете. Решение осуществлять организацию помощи демократии и реформам в России через МВФ было подобно тому, как миротворческий процесс в бывшей Югославии был предоставлен ООН и ЕС, и имело схожие результаты.

и никто не хотел продавать по фиксированным ценам. Более того, массовая скрытая инфляция вызывала экономическую дезинтеграцию России, так как области и даже крупные города вводили «экспортные» запреты на вывоз товаров, в основном потребительских, за пределы своих регионов. Такая политика приводила к ответным действиям со стороны других регионов, а целостности страны угрожала спираль «экспортного протекционизма»¹².

При отсутствии возможностей со стороны государства обеспечить сохранение физических объемов производства и выполнение обязательств по поставкам продукции в то время, когда рыночные механизмы не могли действовать из-за того, что цены были фиксированными, а спрос крайне возрос, большая часть народного хозяйства уже в 1991 г. начала функционировать в режиме бартера. К концу года правительство было в основном занято заключением бартерных соглашений между отдельными секторами экономики¹³. Для правительства единственной возможностью не увязнуть в этом процессе управления кризисной бартерной экономикой было немедленно провести либерализацию цен. Сначала предполагалось освободить цены с 15 декабря 1991 г. На практике же двухнедельная отсрочка в проведении либерализации (цены были освобождены лишь со 2 января 1992 г.) привела к почти полному опустошению магазинов, особенно в таких политически важных городах, как Москва и Санкт-Петербург.¹⁴

И с экономической, и с политической точек зрения для либерализации цен требовалась стабилизация. Как мы видели, высокая инфляция может стать самораскручивающейся. Эффект Танци, снижая реальное содержание налоговых поступлений, увеличивает реальный бюджетный дефицит. Возрастающий инфляционный налог на владение деньгами снижает спрос на реальные деньги, увеличивая долю любого бюджетного дефицита в реальном объеме денежной массы и, следовательно, подстегивая инфляцию [Rostowski 1994b и 1993a]. Если значительная часть государственных расходов связана с субсидированием производства товаров, цены на которые зафиксированы, то инфляция увеличивает издержки производства этих товаров, что в свою очередь требует увеличения объема субсидий, как это произошло в Польше в 1989 г.¹⁵. Для того, чтобы сократить прирост дефицита за счет этого фактора, необходимо время от времени повышать управляемые цены, и если инфляция высока, то такие повышения должны быть значительными. В результате соотношения цен становятся очень подвижными, сильно нарушая хозяйственную активность. И последнее, но не менее важное обстоятельство: участники рынка в условиях высокой инфляции обладают крайне ограниченными возможностями для того, чтобы узнать, является ли данное конкретное повышение цен результатом роста относительной цены товара или просто связано с общим ростом среднего уровня цен. В результате эластичность цен спроса и предложения сокращается, что снижает эффективность распределения ресурсов и производства. На рис. 1 показано, как внешний шок, увеличивающий спрос по АВ, вызывает рост производства лишь до Q_1 (пересечение S_0' и D_1'), а не до Q_2 , что показали бы неинфляционные кривые спроса и предложения (S_0 и D_1).

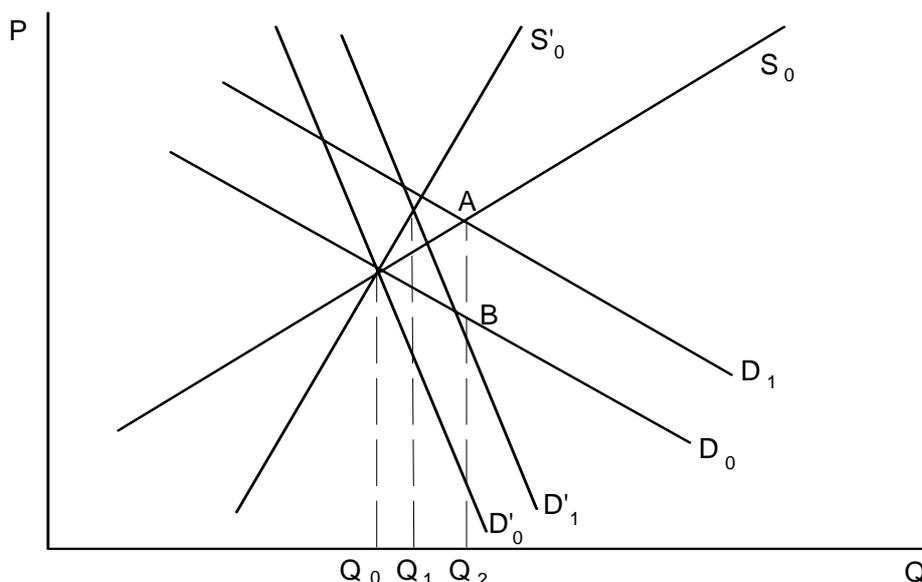
¹² Запрещения на экспорт были с удовлетворением восприняты населением регионов. Эти процессы также способствовали снижению производства.

¹³ Когда одному из авторов, после 12-часового ожидания в один из воскресных дней декабря 1991 г., удалось наконец поговорить с Гайдаром, пока правительство обсуждало вопросы обмена одежды и дизелей на колхозное зерно, он сказал ему: «Ты видишь перед собой вальрасовского аукциониста России».

¹⁴ Именно на эти два города и были в основном нацелены экспортные ограничения со стороны окружающих их аграрных районов.

¹⁵ Если эти субсидии не увеличить, дефицит товаров возрастет.

Рисунок 1

С политической точки зрения инфляция подрывает авторитет правительства, которое выглядит неспособным выполнить одну из своих главных функций, в то время как различные меры, необходимые для управления высоким уровнем инфляции (и предотвращающие увеличение цен), будут постоянно толкать правительство на конфликт с различными влиятельными группами интересов¹⁶.

3. Реализация программы

В результате сложившейся ситуации, описанной в предыдущем разделе, программа либерализации/стабилизации, реализация которой началась в России с 1 января 1992 г., носила весьма рудиментарный характер. На первый квартал 1992 г. был разработан бюджет, ЦБР обязался не увеличивать объем рефинансовых кредитов более чем на 15% в месяц в течение первого квартала, действовал также план освобождения всех цен. Правительство намеревалось также достичь существенного роста курса рубля, либо по меньшей мере сохранить достигнутый уровень обменного курса. Однако для достижения этой цели практически не имелось каких-либо валютных резервов.

В целом, по замыслу «программа» Гайдара была очень схожа с польской и чехословацкой программами, которые к тому времени уже были реализованы. Однако российский план был значительно менее проработан в деталях реализации принципов, которые были в нем провозглашены. Это было четко видно уже в самом начале внедрения системных изменений в области либерализации. Позднее это стало очевидным и в области реализации стабилизационной политики.

¹⁶ Члены команда Гайдара предполагали, что их деятельности будет предшествовать правительство «промышленников», возглавляемое А. Вольским. Они ожидали, что такое правительство проложит путь для трансформации и стабилизации, освободив многие цены и большую часть энергии предпринимательства, так же, как это было сделано последним коммунистическим правительством в Польше, возглавлявшимся М. Раковским. К сожалению, августовский путч 1991 г. «ускорил исторический процесс» (возможно, ухудшив перспективы для процесса трансформации в России), приведя команду реформаторов к власти «слишком рано», и последняя вынуждена была нести ответственность и за первую в России либерализацию цен, и за попытку проведения стабилизации. По иронии судьбы правительству «промышленников» Виктора Черномырдина, возможно, удастся успешно провести стабилизацию, которую не смогли провести реформаторы.

Либерализация цен была в значительной степени «заражена» уже с самого начала. Так, разработка проекта закона об освобождении цен была поручена старому Госкомитету по ценам! В результате был разработан настолько запутанный закон, что потребовалось довольно много времени, чтобы понять, какие цены либерализованы и в какой мере. Более того, торговая наценка на розничную продажу в государственных магазинах не должна была превышать 25% оптовой цены. Это означало, что неизбежно должны были возникать частые дефициты (либо сокращение запасов), подталкивавшие розничную сеть увеличивать объем заказов еще до того, как поставщики повысят свои цены, что позволяло розничным торговцам в свою очередь повышать цены на товары¹⁷. Цены многих основных продовольственных товаров находились под централизованным административным контролем вплоть до марта 1992 г., после чего местные власти зачастую продолжали устанавливать фиксированные цены, а для государственной розничной сети легче всего оказалось устанавливать единую цену для всех магазинов. Сохранение ценового контроля было в интересах работников магазинов, которые в противном случае утратили бы возможность продавать «дефицитные» товары «из-под прилавка». Широко распространился контроль за ставкой прибыли так называемых монопольных производителей, и это явление прекратило свое существование лишь к концу 1993 г.

В результате, хотя либерализация и привела к определенному улучшению ситуации в сфере предложения товаров, положение на рынке оставалось «полудефицитным», а многие товары полностью или по большей части в продаже отсутствовали. Так, по расчетам Рабочего центра экономических реформ, индекс доступности товаров в последнем квартале 1992 г. составлял от 60 до 65¹⁸. В результате политические выгоды, полученные правительством от улучшения снабжения рынка потребительскими товарами, оказались невелики. Возможно, это и стало одной из причин контрнаступления на экономическую политику правительства, предпринятого консервативными силами в апреле 1992 г., то есть значительно раньше по отношению к началу реализации программы, чем это произошло, например, в Польше, или Чехо-Словакии.

С формальной точки зрения, была сохранена значительная сфера количественного планирования, сохранился госзаказ в энергетическом секторе и особенно в нефтяной промышленности¹⁹. Однако в неофициальном порядке представители правительства заявляли, что сохранение системы госзаказов не окажет серьезного влияния, поскольку для их выполнения было бы необходимо обеспечить снабжение энергопроизводителей, чего Министерство экономики (выполнявшее функции старого Госплана) было сделать не в состоянии. Как минимум, госзаказы вызвали неразбериху среди хозяйственных субъектов относительно того, в какой экономической системе они теперь действуют — в системе централизованного бартерного обмена или в системе рыночной экономики. Госзаказы также способствовали сохранению уверенности среди центрального бюрократического аппарата в том, что он сможет сохранить, по крайней мере в некоторых отраслях экономики, свои традиционные директивные полномочия.

Наконец, вся сфера внешней торговли была пронизана контролем за ценами и количественными показателями. Что касается экспорта, то определенная часть экспортных

---

¹⁷ Обоснованием этого ограничения первоначально служило то, что 25%-ная маржа не должна была относиться к тем магазинам, которые вышли из государственных монополий розничной торговли. Таким образом пытались инициировать распад этих монополий. Как оказалось на практике, в законе не было сделано для этих предприятий никаких исключений.

¹⁸ С помощью данного индекса измеряется доступность 70 видов продовольственных и 28 видов непродовольственных товаров в 132 городах России. Его величина, равная 0, означает, что ни один из этих товаров не был доступен нигде, а 100 — что все они были доступны везде. Как можно видеть, этот индекс не предъявляет слишком высоких требований к оценке насыщенности рынка.

¹⁹ Цены на уголь были отпущены только в июле 1993 г.

валютных поступлений должна была продаваться государству по обменному курсу, составлявшему 50% от рыночного, причем пропорции поступлений, подлежащих обязательной продаже, варьировали в первой половине 1992 г. от 80% для нефти и газа до 40% для промышленных товаров²⁰. Такой порядок выполнял функцию своеобразного гибкого налога на экспорт. Кроме того, почти для всех экспортируемых Россией товаров действовали десятки количественных ограничений. Наиболее важное место в этом перечне занимала нефть. Контролируемые внутренние цены на нее были настолько низкими — примерно 5-15% от мировой цены²¹, что даже очень высокий экспортный налог на этот товар (соответствующий 40% мировой цены) был бы недостаточен для того, чтобы предотвратить бурный рост экспорта и масштабные дефициты на внутреннем рынке²².

Однако вместо того, чтобы приблизить внутренние цены к мировому уровню, российские власти стремились ограничить экспорт нефти с помощью введения экспортных квот (в дополнение к налогам на экспорт). Для многих товаров учреждение, которое выдавало экспортные квоты, одновременно являлось и основным внутренним покупателем продукции: так, например, на экспорт лекарств требовалось разрешение Министерства здравоохранения! Эти экспортные барьеры не позволили российским предприятиям отреагировать на падение внутреннего спроса, сопровождающего стабилизацию, путем увеличения своего экспорта так, как это было сделано в сходных обстоятельствах предприятиями в Польше, Чехо-Словакии или в Венгрии. Ключевой предохранительный клапан, который присутствовал в хорошо проработанных программах стабилизации, оказался в России надежно перекрыт. Это в свою очередь осложнило для российского руководства возможности для противодействия политическому давлению, склоняющему в пользу расширения внутреннего спроса, и оно действительно было вынуждено ему уступить в июне 1992 г.

В странах Центральной Европы рост экспортных поступлений увеличивал приток иностранной валюты и таким образом укреплял спрос на внутреннюю валюту. При этом рост экспортных поступлений обеспечивал финансирование возросшего импорта с Запада, что улучшало снабжение рынка потребительскими товарами и расширяло их номенклатуру (оказывая позитивное воздействие на политическую ситуацию) и одновременно снижало или вообще ликвидировало монополистические тенденции в секторе торговли. Свободный импорт, ставший возможным с введением внутренней конвертируемости национальных валют, стимулировал развитие частного сектора [Rostowski 1993b] и, обеспечивая импорт западных инвестиционных товаров, повышал эффективность его функционирования. Из-за сохранения в России контроля над экспортом и импортом все эти факторы могли быть задействованы здесь в значительно меньшей степени.

С другой стороны, в России в первой половине 1992 г. 40% всего импорта находилось под прямым административным контролем, а иностранная валюта первоначально выделялась импортерам по курсу 5 рублей за доллар США (в то время как рыночный курс колебался в пределах от 110 до 230 рублей за доллар). Из-за инфляционных ожиданий рубль настолько сильно обесценился в реальном выражении, что в первом квартале 1992 г. объем импорта, рассчитанный по рыночному курсу безналичного обмена, соответствовал примерно 135% национального дохода (ЧМП). Во втором квартале, когда стоимость рубля в реальном выражении существенно повысилась, эта величина составила

²⁰ Во второй половине года валютный курс была унифицирован.

²¹ Этот показатель варьировал в зависимости от изменений цен на нефть и курса рубля по отношению к доллару.

²² Эти меры не предотвратили возникновения широкомасштабного контрабандного экспорта нефти.

уже 60%²³. Таким образом, объем централизованного импорта соответствовал по стоимости примерно 65% ЧМП в первом квартале и 30% ЧМП во втором (при исчислении по рыночному курсу обмена, т.е. исходя из той суммы, которую должны были бы заплатить покупатели, если бы они не имели возможности приобретать иностранную валюту у государства по чрезвычайно льготному обменному курсу). Приведенные данные дают представление о степени нерационального использования ресурсов в результате государственного регулирования, а также о степени сохранения власти центральной бюрократией на микроэкономическом уровне²⁴.

Более того, в одном из аспектов российская программа принципиально отличалась от ее польской и чехо-словацкой предшественниц: контроль за заработной платой был чрезвычайно слабым²⁵. Несмотря на это, расчетная реальная заработная плата в январе 1992 г. резко сократилась, а затем медленно росла в течение всего года, так же как и в Польше и в Чехо-Словакии на соответствующих этапах реализации аналогичных программ [Рис. 2]. Это сходство тем более удивительно, что в отличие от стран Центральной Европы (включая Венгрию), формально установивших жесткий контроль за заработной платой, безработица в России оставалась незначительной. Более того, в России заработная плата вообще не считалась и не считается прямым стимулятором инфляции, особенно в первом квартале 1992 г., когда отношение прибыли к заработной плате возросло на 22 %²⁶. Подобное давление скачка издержек, похоже, было в основном инициировано руководством предприятий, которое активно вздувало цены на свою продукцию, в то время как заработная плата по большей мере пассивно тянулась за ними. Это нашло отражение во взрывном росте взаимной задолженности предприятий [Rostowski 1993c], а также в значительно более быстром росте цен производителей по сравнению с розничными ценами [Рис. 3]. Таким образом, как это ни парадоксально выглядит, пункт, в котором российская программа принципиально отличалась от своих предшественниц в других странах Центральной Европы, на практике оказал наименьшее воздействие на полученные совершенно различные результаты реформ.

Основные показатели, характеризующие макроэкономическую политику и ее реализацию, представлены на рис. 3 и в таблицах 1 – 4, которые характеризуют динамику цен производителей и розничных цен, денежной базы, денежной массы М2, бюджетного дефицита и реального обменного курса. По сути дела, весь 1992 год может быть разделен на два периода, приблизительно соответствующие временным интервалам с января по май и с июня по декабрь. До июня финансовая политика была относительно жесткой [Таблица 1], а консолидированный федеральный бюджет в первом квартале действительно имел

---

²³ Показатели экспорта в I и II кварталах 1992 г. очень схожи: около 110% и 60% ЧМП соответственно.

²⁴ Во второй половине 1992 г. доля импорта, для которого применялся льготный валютный курс, снизилась с 40% до 10%. Косвенные субсидии должны были поступать из бюджета, но на практике это не относилось к импорту, финансируемому за счет иностранных кредитов.

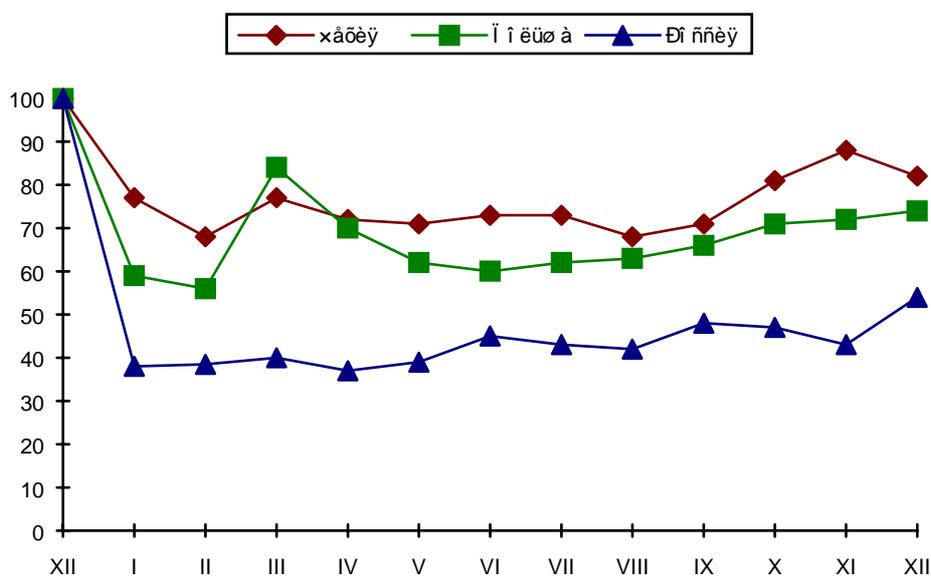
²⁵ Заработная плата объемом свыше 3 минимальных зарплат не включается в издержки производства и поэтому включается в базу налогообложения налогом с прибыли. На практике это означало, что к налогу, взимаемому с суммы заработной платы, прибавлялся еще 30% налог. Это чрезвычайно мягкий режим, если сравнивать его с примененной в Польше практикой, где увеличение заработной платы более чем на 5% сверх разрешенного коэффициента роста (устанавливаемого значительно ниже уровня инфляции) означало необходимость уплаты 500% налога сверх налога на заработную плату.

²⁶ Это не означает, что анализ натурального уровня безработицы не применим в России. Если бы финансовая политика была в России достаточно жесткой, политика агрессивного повышения цен, проводившаяся директорским корпусом предприятий в первые месяцы реформы, привела бы к массовой безработице и заставила бы менеджеров предприятий отказаться от этой политики.

положительное сальдо [Таблица 2]²⁷. В мае ситуация с бюджетом начала ухудшаться, а в июне денежная база ЦБР возросла на 68%, а денежная масса М2 — на 28% (по сравнению со средними показателями за первые пять месяцев года соответственно 17% и 12%). Изменения можно проследить не только в политике, но и в экономических результатах, хотя и проявившихся с некоторым отставанием. После первого ценового скачка, последовавшего за либерализацией, инфляция вплоть до августа имела тенденцию к снижению, но затем она вновь быстро заняла прежние позиции, ежемесячно превышая уровень 20% в период с октября 1992 г. по апрель 1993 г. Номинальный курс обмена безналичных рублей возрос с 230 рублей за один доллар США 28 января 1992 г. до 113 рублей за доллар 2 июня 1992 г. После этого номинальный курс обмена начал быстро падать, достигнув 309 рублей за доллар 1 октября и 416 рублей в середине декабря 1992 г. Реальный курс обмена возрос с индекса 140 в начале января до 25 в начале июня (т.е. реально повысился на 460%)²⁸, после чего начал падать и снизился к середине октября примерно на 45%.

Рисунок 2

Реальная заработная плата в течение первого года после либерализации цен в Чешской Республике^a, Польше^b и России^c

^a 1991 г., ежемесячно, декабрь 1990 г. = 100

^b 1990 г., ежемесячно, декабрь 1989 г. = 100

^c 1992 г., ежемесячно, декабрь 1991 г. = 100

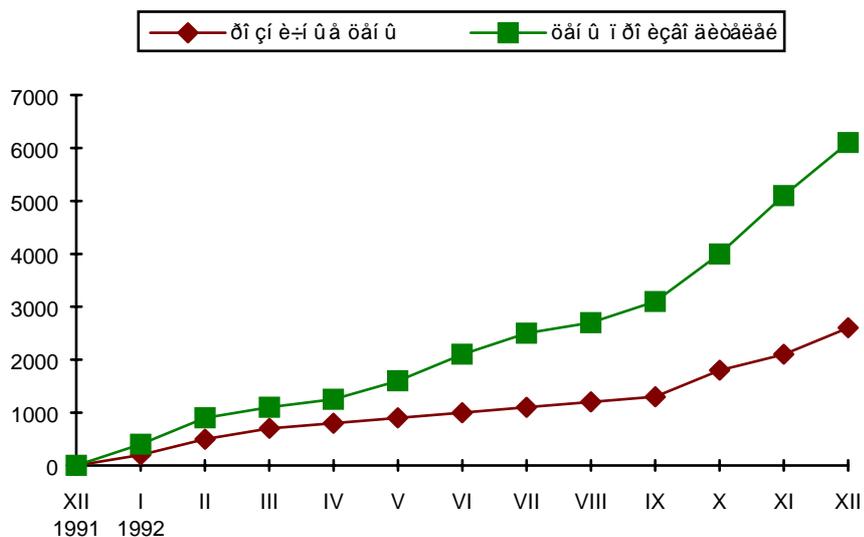
Источник: OECD, Russian Economic Trends 1994.

²⁷ По расчетам в соответствии с применявшейся в то время российской методологией, по которой иностранные займы включались в доходы.

²⁸ Апрель 1991 = 100.

Рисунок 3

Розничные цены и цены производителей в России в 1992 г. (декабрь 1991 г. = 100)

Источник: Russian Economic Trends, 1994.

Таблица 1

Денежные агрегаты в России в 1992 г. (в млрд. руб.)

Месяцы 1992 г.	M0	M	M ^a	M2	M2 ^a
январь	165,9	313,3	—	928,4	—
февраль	183,8	317,5	101,3	1046,1	112,7
март	209,3	365,2	115,0	1172,6	112,1
апрель	247,6	476,9	130,6	1338,0	114,1
май	317,5	574,4	120,4	1477,6	110,4
июнь	365,6	686,0	119,4	1614,2	109,2
июль	455,1	1150,6	167,7	2066,8	128,0
август	642,8	1312,1	114,0	2593,9	125,5
сентябрь	804,0	2599,0	198,1	3396,0	130,9
октябрь	949,5	2418,7	93,1	4465,1	131,5
ноябрь	1145,6	2836,9	117,3	5671,4	127,0
декабрь	1379,8	3498,4	123,3	5968,7	105,2

^a предыдущий месяц = 100

Источник: «Текущие тенденции в денежно-кредитной сфере», Центральный банк Российской Федерации, вып. 1, Москва, январь 1992; вып. 2, Москва, апрель 1993.

Таблица 2

Консолидированный бюджет Российской Федерации в 1992 г. (в млрд. руб.)

Месяцы 1992 г.	Консолидированный бюджет			Сальдо республиканских бюджетов	Сальдо местных бюджетов
	Доходы	Расходы	Сальдо		
январь и февраль	196,6	184,4	12,2	-1,2	13,4
март	185,6	176,3	9,3	-3,5	12,8
апрель	231,5	227,9	3,6	-48,2	51,8
май	211,1	253,1	-42,0	-70,2	28,2
июнь	216,3	415,3	-199,0	-178,2	-20,8
июль	374,9	524,7	-149,8	-191,6	41,8
август	375,7	675,7	-300,0	-327,0	27,0
сентябрь	516,1	394,2	121,9	103,6	18,3
октябрь	1022,9	675,3	347,6	182,6	165,0
ноябрь	813,4	851,5	-38,1	-88,9	50,8
декабрь	1183,8	1591,1	-407,3	-335,2	-72,1

Источник: данные Министерства финансов Российской Федерации.

Изменения в макроэкономической политике объяснялись различным образом. По Гайдару²⁹, политическое давление промышленного лобби в направлении дальнейшего расширения кредитования в мае стало непереносимым. Источником этого давления стал огромный объем торговых кредитов, которые государственные предприятия предоставили друг другу и которые они не могли погасить из-за проведения монетарной политики, которая хотя и была довольно мягкой, но все же оказалась жестче, чем они ожидали [Rostowski 1993c]. Для того, чтобы сохранить общее направление реформ, Гайдар согласился не только изменить установки макроэкономической политики, но и принял на значение четырех антиреформистски настроенных заместителей Председателя Совета министров, а в июле — многосторонний зачет взаимной задолженности предприятий³⁰. Анисимова, Синельников и Титов [1993] обращают внимание на ускоренный рост правительственных расходов, который стал одним из проявлений отмеченного сдвига в политике. В процентном отношении к ВВП расходы консолидированного бюджета (федерального и местных) возросли с 25,7% в первом квартале до 40,6% в конце августа³¹. По отдельным отраслям хозяйства эти изменения выглядели следующим образом:

Таблица 3

Доля федеральных расходов в ВВП в 1992 г.

	1 апреля	1 сентября
Народное хозяйство	7,9%	13,3%
Социальное обеспечение	6,8%	9,3%
Оборона	4,2%	6,3%

Источник: Anisimova, Sinelnikov and Titov 1993.

²⁹ Лекция в Лондонской экономической школе, 7 Мая 1993.

³⁰ В мае 1992 г. один из авторов предложил Гайдару рыночный способ разрешения проблемы взаимной задолженности предприятий, который позволял избежать дополнительной денежной эмиссии.

³¹ В реальном исчислении его увеличение составляло около 60%.

Доходы бюджета в процентах к ВВП остались на прежнем уровне — около 28%, что вызвало рост его дефицита до примерно 12% ВВП (по сравнению с 2% в первом квартале)³². Сказанное соответствует описанию событий Гайдаром: произошел сознательный, хотя и вынужденный, сдвиг в бюджетной и финансовой политике, и его последствия для инфляции и обменных курсов не заставили себя ждать.

4. Структура экономики России

До начала процесса трансформации в России была широко распространена точка зрения, что высокая степень монополизации российской промышленности не позволит провести здесь стабилизацию по польской модели. Эта идея представляет собой разновидность распространенного в развивающихся странах (и особенно в странах Латинской Америки) структуралистского подхода, в соответствии с которым инфляция в собственной стране, независимо от положения во всем остальном мире — явление, порожденное монополизмом.

При рассмотрении этого вопроса необходимо разделять монополизм в секторе торговли и вне него. Высокий уровень монополизации в оптовой торговле основными потребительскими товарами представлял собой серьезную проблему, требующую серьезного государственного вмешательства, которое на практике осуществлено не было. В сфере розничной торговли проведение малой приватизации и развитие частного сектора привели к существенной демонополизации, однако это произошло в лучшем случае не ранее второй половины 1992 г. Указ о свободе торговли от 28 января 1992 г. стал попыткой властей ослабить монополизм торговых и оптовых организаций путем расширения прав обычных людей, тысячи которых занялись уличной торговлей³³. Однако местные власти оказались достаточно сильны, чтобы при желании игнорировать указ и сохранить позиции торговой сети, находящейся в их ведении.

---

³² Однако доходы оказались ниже, чем могли бы быть, из-за сложности проведения надежной индексации налоговых платежей (пример действия эффекта Танци).

³³ В Польше в 1990 г. это вызвало резкое нарастание конкуренции в сфере розничной торговли. Указ появился в результате консультационной работы советников, которые участвовали в реализации польской программы (включая и авторов настоящей работы).

Таблица 4

Номинальные и реальные курсы обмена рубля по отношению к доллару США

	номинальные	реальные
Декабрь 1991 г.	144	275,6
Январь 1992 г.	180	100,0
Февраль	170	68,3
Март	161	49,9
Апрель	155	39,5
Май	128	29,1
Июнь	119	22,8
Июль	136	23,5
Август	163	25,8
Сентябрь	204	28,9
Октябрь	338	38,9
Ноябрь	448	40,9
Декабрь 1992 г.	418	30,5

Источник: *Russian Economic Trends*, номинальные курсы даны на середину месяца, а реальные — рассчитаны при помощи индексов потребительских цен.

На начальном этапе трансформации Россия не казалась страной, потенциально менее открытой для международной торговли, чем Польша. По оценкам авторов, в 1992 г. экспорт за пределы бывшего СССР составлял около 12.5% ВВП (по паритету покупательной способности) по сравнению с 8% в Польше до начала процесса трансформации³⁴. Проблема, таким образом, заключалась в многочисленных экспортных ограничениях, описанных в предыдущем разделе. На практике, как мы увидим ниже, Россия, являясь в основном экспортером сырья, не могла не столкнуться с масштабным проникновением импорта на свои рынки промышленных товаров, что создавало серьезную конкуренцию для отечественных производителей. У нас мало информации о степени концентрации российского производства, являющегося предметом международной торговли. Имеющиеся в нашем распоряжении косвенные данные свидетельствуют о том, что она была выше, чем в Польше, где определенная демонополизация государственного сектора была проведена реформистским правительством коммунистов еще в 80-х гг.³⁵. Конечно, российский антимонопольный комитет приложил явно недостаточно усилий для того, чтобы разбить картельные объединения производителей или даже для предотвращения их образования, концентрируя вместо этого все свои усилия на контроле за ценами в случаях проявления монополистического поведения [Fornalczyk and Hoffman, 1993].

Для более фундаментального анализа необходимо рассмотреть, почему монополия препятствует проведению антиинфляционной политики. Монополии максимизируют прибыль, устанавливая производство на уровне, на котором предельные издержки равны пре-

³⁴ Пересчитанный по величине покупательной способности, российский ВВП на душу населения оценивался до начала процесса преобразований в 2/3 от польского уровня, что соответствовало общему объему ВВП России в 240 млрд. долларов и Польши — в 90 млрд. долл. Экспорт соответственно равнялся 30 и 7,5 млрд. долларов.

³⁵ И где пересмотр закона о государственных предприятиях в марте 1990 г. (предпринятый в качестве части плана Бальцеровича) предоставил отдельным производственным единицам право выходить из состава государственных предприятий без согласия последних.

дельному доходу. И то, и другое, по сути дела, определяет относительные цены, что не имеет ничего общего с инфляцией. Справедливо и то, что монополисты, цены которых регулировались на протяжении предыдущего периода, в условиях либерализации могут их резко повысить, но это происходит одновременно [Berg and Blanchard, 1994]. Кроме того, экономики советского типа страдали от единоличных покупателей, так же как и от единоличных продавцов. Когда первые приобретают товары у единоличных продавцов, мы имеем дело с двусторонней монополией, которая не оказывает воздействия на уровень цен. В условиях же существования монополии (монополии покупателя) более вероятно ее стремление к снижению уровня цен.

Однако трансформация российской экономической структуры (и проведение стабилизации как части этого процесса) оказалась особенно сложной с связи с другим обстоятельством. Сегодня Россия в континентальном масштабе больна болезнью, которую в 70-х годах называли «голландской». Это связано с тем, что российская экономическая система со времен Сталина была ориентирована главным образом на снабжение промышленности, на чем и основывалось советское военное могущество. Таким образом, экономика СССР опиралась на эксплуатацию огромных ресурсов севера Евразии, превращая их в относительно эффективное вооружение, низкокачественное оборудование и потребительские товары. Советская обрабатывающая промышленность, опиравшаяся на заниженные цены сырья (и особенно энергоресурсов), была слишком огромна и практически полностью защищена от конкуренции плановой системой и неконвертируемостью валюты.

Поэтому после того, как в российскую экономику были внедрены мировые цены на товары, являющиеся предметом международной торговли, значительная часть российской обрабатывающей промышленности оказалась неконкурентоспособной. В целом страна выиграла бы, экспортируя больше сырья, чем могла бы себе позволить при других обстоятельствах, и используя экспортные поступления для приобретения более качественного и дешевого импортных товаров. Однако в этом случае неизбежно возникли бы сложные проблемы у предприятий обрабатывающей промышленности — потребителей сырья.

Одно из парадоксальных следствий изложенного заключалось в том, что сами энергопроизводящие предприятия были против освобождения цен на свою продукцию. Причиной тому была структура прав собственности таких предприятий: управляющие могли получать большие деньги за экспорт нефти, которую они проводили как проданную на внутреннем рынке, прикармливая разницу³⁶. Таким образом, основной проблемой стабилизации в России является то, что основные механизмы советской экономики были приватизированы еще до того, как закончилась перестройка и до того, как начался переход к капитализму. С развалом советской системы этот механизм стал использоваться частными лицами и предприятиями в качестве средства личного обогащения за счет использования доступа к природным ресурсам. В отсутствие законных прав частной собственности на эти ресурсы, искаженные цены стали ключевым элементом этого процесса, а высокая инфляция облегчила получение «дешевого» финансирования для проведения этих операций. Хаос, который сопутствовал высокой инфляции, способствовал широкому распространению мошенничества, так же, как и развитию явления бегства капитала.

Проблеме цен на сырьевые товары сопутствовало массированное сокращение поставок вооружений, осуществленное Гайдаром³⁷. Демократическая и мирная Россия совер-

---

³⁶ В качестве уступки этим интересам в мае 1992 г. в состав правительства в ранге заместителя Председателя Совета министров был введен Виктор Черномырдин, где он ведал энергетическим комплексом.

³⁷ По оценкам, на 80% только в одном 1992 г.

шенно очевидно не нуждалась в поддержании того уровня производства вооружений, который существовал в СССР³⁸. Подобная ситуация, но в несколько меньших масштабах, сложилась и в некоторых других странах, составлявших бывший Советский Союз; это было связано, во-первых, с тем, что эти страны были в меньшей степени обеспечены сырьем, чем Россия и, во-вторых, с тем, что их народное хозяйство в целом было в меньшей степени ориентировано на производство вооружений³⁹.

Поскольку многим государственным предприятиям угрожало введение мировых цен, общественное мнение и в значительной степени позиции руководящего звена были ориентированы на требования о смягчении монетарной политики для предоставления дешевых кредитов находящимся под угрозой предприятиям (и на смягчение фискальной политики для получения субсидий). По этой же причине оправдывались экспортные налоги и квоты и в особенности выгодные курсы обмена рубля для осуществления импорта⁴⁰. Это, конечно, не означало, что эту временную помощь получали те, кто находился в наиболее трудном положении или те, кто реально ее заслуживал. Более того, вместо предполагавшегося «поддержания производства» дешевые кредиты чаще всего использовались для приобретения иностранной валюты, что делалось в целях обойти инфляционный налог и таким образом эффективно играть на курсе рубля.

5. Политическая структура России

Уникальность попытки Гайдара в проведении стабилизации заключалась в том, что в начале 1992 г. Россия была страной без границ, имея общую с четырнадцатью другими странами валюту; фактически она находилась в процессе рождения из обломков СССР. В конце 1991 г. российские лидеры столкнулись с неразрешимой дилеммой. Они могли, как это предлагал Григорий Явлинский⁴¹, постараться разработать стабилизационную программу, которую бы поддержала по крайней мере большая часть постсоветских государств. Проблема заключалась в том, что большинство этих стран (и особенно Украина) не были готовы к восприятию общей либерализации цен, не говоря уже о шоковой стабилизационной программе, которая должна была бы сопровождать либерализацию цен. Альтернатива заключалась в том, чтобы, как предлагал Гайдар, Россия сделала бы это в одиночку. Это означало (если исходить из того, что СССР представлял собой нежизнеспособное образование), что его республики должны были функционировать как независимые государства, а экономическая политика разрабатывалась бы только для России и исходя из чисто российских интересов.

Проблема, которая встала перед Гайдаром, заключалась в том, что ни границы, ни валюта России не находились под контролем государства. У России осталось лишь не-

---

³⁸ Гайдар был достаточно политически проницателен, сократив финансирование военных заказов в значительно большей степени по сравнению с расходами на содержание армии. Одна из проблем, которая осложняла прозападную ориентацию правительства, заключалась в том, что США негативно относились к экспорту российского вооружения в отдельные страны. Однако многие из наиболее «неудобных» покупателей вооружений из бывшего СССР были даже в худшем финансовом положении, чем Россия, и поставки им вооружений производились скорее в форме подарков, чем продаж.

³⁹ Частично развал Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) был связан с поставками странам Центральной и Восточной Европы дешевого сырья, которое поддерживало их обрабатывающую промышленность (а в некоторых странах, например в Словакии, в значительной мере производство вооружений для Варшавского Договора). Подобное же воздействие, хотя и более сильного порядка, испытали на себе более промышленно развитые независимые страны бывшего СССР, такие как Украина и Беларусь.

⁴⁰ Так, в первой половине 1992 г. Аэрофлот производил операции по курсу 25 рублей за доллар США, в то время как рыночный курс обмена составлял 120 рублей за доллар [Dabrowski 1993].

⁴¹ В то время заместитель Председателя Межреспубликанского экономического комитета СССР .

большое число пограничных и таможенных пунктов, поскольку все они находились на внешней границе СССР и теперь в основном располагались на территории иностранных государств, на которую ни в коей мере не распространялись полномочия российского правительства⁴². В результате оказалось сложно повышать экспортные налоги, которые могли бы составить существенную часть общих доходов государства⁴³. Действительно, в первые два месяца 1992 г. экспортные налоги вообще не взимались. Более того, в первые девять месяцев 1992 г. страны бывшего СССР (исключая страны Балтии) получали российские энергоресурсы по внутренним российским ценам. С тех пор эти цены повысились, но окончательно так и не достигли мирового уровня.

Столь же серьезным было положение в сфере предложения денег. Центральные банки всех пятнадцати бывших республик имели право вводить в оборот безналичные рубли без всяких ограничений. В этой ситуации в интересах любого центрального банка было ввести в оборот как можно больше денег и таким образом обеспечить для граждан данной страны способность приобретать товары и услуги, произведенные в другой. Единственным ограничителем было то, что только Россия имела печатные станки. Это означало, что если нероссийский центральный банк выпустил столько безналичных денег, что спрос на наличность превысил объем, предоставленный Россией, то в этой стране будет развиваться дефицит наличности. Большинство центральных банков стремилось избежать такой ситуации, что наложило некоторые ограничения на их поведение⁴⁴. С другой стороны, они стремились предотвратить возникновение дифференциации в уровнях цен между данной страной и остальными странами рублевой зоны с тем, чтобы избежать появления положительного торгового сальдо, что означало бы выплату сеньората. Это, по сути дела, представляло собой обмен товаров и услуг на бухгалтерские записи в центральном банке импортирующей страны. Подобная система с неизбежностью приводила к «гонке инфляции» между странами бывшего СССР⁴⁵.

Единственным разумным решением для России было бы «национализировать рубль», т.е. рассматривать безналичные рубли, выпускаемые центральными банками других стран, как иностранную валюту, и эффективно понуждать эти страны к введению собственной валюты, с установлением режима обменных курсов по отношению к российскому рублю и другим валютам. Хотя эти меры и обсуждались среди российского руководства еще с октября 1991 г., на практике это произошло только в июле 1992 г., когда

---

⁴² Еще до распада СССР было образовано несколько «внутренних пограничных постов» (например, на границе со странами Балтии) для «защиты внутреннего рынка» от покупательского спроса жителей этих республик. Однако эти границы оказались высоко проницаемыми.

⁴³ Даже грубые расчеты показывают, насколько значительными могли бы быть эти доходы. В первом квартале экспорт составил 7 млрд. долларов. Мы исходим из того, что половину экспорта составляли нефтепродукты, из которых половина приходилась на нефть и половина на газ (эти цифры рассчитаны на основе действительных долей в I квартале 1993 г., цитируемого в *Russian Economic Trends*), а также из того, что разница между внутренними и мировыми ценами составляла: (1) 90% мировой цены на нефть и (2) 50% мировой цены на газ. Если бы вся эта разница пошла в федеральный бюджет, как это и должно было произойти, то только эти две позиции дали бы 288 млрд. рублей, т.е. более чем в 10 раз превысили бы действительные поступления по статье «доходы от внешнеэкономической деятельности» и составили бы 21% ВВП в этом квартале! Однако, необходимо отметить, что эти сложности в некоторой степени были учтены, и в бюджете от 18.12.1991 все эти доходы были выведены из расчета (одной из целей этого было предотвратить расходование этих средств популистским парламентом).

⁴⁴ Некоторые нероссийские центральные банки (в начале 1992 г. в основном банки Литвы и Украины) старались решить эту проблему, выпуская собственные «экстренные наличные деньги». Эта мера имела и то дополнительное преимущество, что затрудняла нерезидентам доступ к потребительским товарам на внутреннем рынке этих стран.

⁴⁵ Подобный механизм действовал и в Югославии в 1991 г. в преддверии формального распада этого государства, а также во время последовавшего за ним сербо-хорватской войны.

была внедрена система **ежедневного балансирования платежей между странами рублевой зоны**⁴⁶. Автоматические возможности для получения овердрафта в ЦБР, которыми нероссийские государства бывшего СССР обладали до июня 1992 г., и массовые «технические кредиты», предоставлявшиеся им с этого момента Центробанком, руководимым Геращенко, обошлись России в сумму от 8,6% до 10,9% ВВП в 1992 году [Dębrowski 1993b]⁴⁷. Поскольку российское государство не могло обеспечить получения такой прибавки путем налогообложения, то она должна была быть изъята у российских вкладчиков через инфляционный налог.

Почему же национализация рубля была растянута на столь длительный период? Конечно, существенную роль сыграли интересы тех российских фирм, основные экспортные рынки которых находились в странах бывшего СССР. Существовало также опасение, что лишенные массивов субсидий (эквивалентных 12-18% ВВП получателей), экономики нероссийских стран развалятся, что резко ухудшит материальное положение проживающих в них 25 млн. этнических русских. Результатом в этом случае стала бы массовая эмиграция этих русских в Россию⁴⁸. По иронии судьбы Россия, потерявшая территории, оказалась в положении, сходном с Германией, которая получила бывшую ГДР и затратила огромные деньги на то, чтобы избежать массовой эмиграции населения на старые земли. Однако в основном мотивы таких действий имели имперскую окраску — стремление, особенно у Геращенко, сохранить бывший СССР по крайней мере экономически, если это невозможно сделать политически⁴⁹.

В отличие от Германии, Россия оказалась неспособной нести этот груз, и ко второй половине 1993 г. кредитование нероссийских государств было практически прекращено (а цены на российские сырьевые товары также были резко повышены). Интересно, что катастрофических последствий для этнических русских вне Российской Федерации не наступило.

6. Стабилизация против дискуссии о приватизации

По мере того, как на рубеже 1991-1992 гг. началась реализация программы Гайдара, основная критика в ее адрес исходила из того, что либерализация цен и стабилизация, действие которых, как предполагалось, вызовет ответную реакцию предприятий на ры-

⁴⁶ Эта система была формально внедрена в июле 1992 г., однако автоматический льготный овердрафт, а также технические кредиты, санкционированные Геращенко, означали, что она имела низкую эффективность.

⁴⁷ Последний льготный овердрафт и технические кредиты для республик бывшего СССР были отменены лишь в мае 1993 г. министром финансов Борисом Федоровым.

⁴⁸ Это могло бы стать либо прямым следствием экономического распада в этих странах, либо результатом резко отрицательной реакции местного населения. Эта точка зрения была высказана авторам высокими российскими официальными лицами.

⁴⁹ Вторая ирония истории заключается в том, что страны бывшего СССР осознали свою экономическую слабость и начали тянуться к возрожденному российскому доминированию лишь после того, как рубль был национализирован. Исключение составляют страны Балтии, которые подготовились к тому, чтобы обрезать пуповину зависимости от финансовых трансфертов ЦБР, а с ней и своей экономической зависимости от России, посредством введения по собственной инициативе национальных валют и стабилизации инфляции. Третья, и последняя, ирония заключалась в том, что Литва, которая последней из стран Балтии осуществила стабилизацию и таким образом доказала свою способность существовать как независимое государство, сделала это под эгидой посткоммунистического правительства (так называемой Партии труда), в то время как предшествующее, более националистическое правительство «Саюдиса» не нашло в себе мужества на такой шаг, а может быть, и не до конца понимало его необходимость.

ночные импульсы⁵⁰, не учитывают природы предприятий, находящихся в государственной собственности. Поэтому вопрос о том, должна ли приватизация предшествовать реализации пакета мер по либерализации/стабилизации, вызывал большие споры. Команда Гайдара, включая ту ее часть, которая прямо была связана с приватизацией, справедливо полагала, что польский эксперимент показал, что пакет мер по либерализации/стабилизации можно реализовать и в экономике с преобладанием предприятий госсектора (хотя предпочтительнее внедрять такую программу в экономику, где уже преобладает частный сектор). Возникло впечатление, что большая часть сторонников первоначального проведения приватизации, отстаивала эту точку зрения, так как осознавала, что приватизация будет длительным процессом, рассчитывая таким образом отложить проведение либерализации и приватизации.

Оппоненты политики Гайдара не были в состоянии предотвратить либерализацию цен, но по причинам, описанным в предыдущих разделах, они могли резко ее ограничить в широком смысле слова и сделать невозможной стабилизацию. Однако они не были в состоянии предотвратить приватизацию⁵¹. Основная масса государственных основных фондов, за исключением естественных монополий и оборонной промышленности, была приватизирована уже к середине 1994 г., т.е. через два с половиной года после начала процесса трансформации. Ни одна другая из постсоциалистических стран не достигла столь значительных результатов за такой короткий период времени, даже Чехия, и это было сделано несмотря на то, что в России имели место значительно большие трудности организационного и политического порядка. Это произошло благодаря смелому решению проводить приватизацию в России на основе ваучеров и аукционов, а также вследствие огромных привилегий, предоставленных коллективам приватизируемых предприятий заместителем Председателя Совета Министров по делам приватизации Анатолием Чубайсом [Frydman, Rapaczynski and Erle 1993].

Таким образом, вопреки планам команды Гайдара, приватизация в России предшествовала стабилизации⁵². Причина этого ясна: в отличие от либерализации и стабилизации, которые требовали болезненного для государственных предприятий приспособления к изменениям в структуре цен и к сокращению ликвидности, программа приватизации Чубайса отвечала интересам наиболее могущественных групп российского общества, т.е. трудовых коллективов государственных предприятий, и в особенности директорского корпуса (рабочие в России были политически значительно слабее, чем в странах Центральной Европы). В результате в 1992-1994 гг. Россия пережила «трансформацию без стабилизации», чрезвычайно похожую на ту, которую отстаивали популисты — сторонники мягкой денежной политики. Немногие будут оспаривать тот факт, что за это пришлось заплатить высокую цену в форме утечки капитала, формирования неравенства в доходах, разрастания криминальной сферы и общего хаоса, что повлекло за собой усиление авторитарно и антидемократически ориентированных политиков.

7. Заключение и послесловие

Невозможно определить, какая из четырех групп причин провала стабилизации 1992 г. была основной. Слабость процесса реализации программы была связана как с политическим давлением, проистекавшим из политической и экономической структуры

---

⁵⁰ Как на микроуровне (например, предприятия отреагируют на соотношения цен), так и на макроуровне (например, денежная масса окажет воздействие на агрегированный уровень цен)..

⁵¹ Хотя такие отчаянные попытки и предпринимались [Chubais 1993].

⁵² Реализуя тем самым последовательность действий, предлагавшуюся в программе «500 дней», которая подвергалась реформаторами резкой критике за отсутствие радикализма

России, так и с отсутствием четкой продуманной программы, которая имела бы прочную финансовую поддержку Запада. Вряд ли кто-либо будет в состоянии когда-нибудь ответить на вопрос, смогла бы эта программа набрать такую экономическую и политическую инерцию, которая бы полностью исключила возможность регрессивного движения, подобно тому, как это произошло, например, в Польше. В отличие от процесса приватизации, трудно представить себе, что можно было бы разработать такую программу либерализации/стабилизации, реализация которой отвечала бы интересам основных групп российских производителей [Layard and Richter 1994; см. также раздел 4]. Таким образом, единственным способом проведения стабилизации в России в 1992 г. представлялся «захват» этих групп с помощью фактора внезапной и быстрой стабилизации, подобно тому, как это произошло в Польше⁵³.

К 1994 г., вследствие завершения массовой приватизации, положение несколько изменилось. Очень высокая инфляция снизила ту цену, которую руководство государственных предприятий должно было платить за осуществление контроля над ними, до весьма низкого уровня, и потому отвечала их интересам. Теперь, после завершения программы приватизации, данная причина оппозиции стабилизации исчезла, и это (вместе с национализацией рубля и установлением надежных границ) может служить одной из причин несколько более эффективного хода стабилизации в будущем. С другой стороны, как было показано в разделе 4, основная проблема заключается в том, что базовый механизм советской экономики (эксплуатация природных ресурсов) был приватизирован еще до конца перестройки и раньше, чем начался переход к капитализму. В отсутствие же законных прав частной собственности высокая инфляция и нарушенные пропорции цен на сырье облегчают процесс экспроприации государства, который и лежит в основе значительной части деятельности крупного частного бизнеса в России. В настоящее время мало что говорит о том, что этот процесс сворачивается или что группы, нажившиеся на нем, утрачивают свою силу.

---

⁵³ Существенным элементом в Польше являлось то, что производители были прочно разделены, а власть поделена между рабочими советами, профсоюзами и директорами. На этот так называемый «Бермудский треугольник» много жаловался Бальцеревич как на брешь в структурной перестройке предприятий, а Гайдар сказал одному из авторов настоящей работы, что огромным преимуществом России является то, что в ней не было «Солидарности». Нам, однако, представляется, что дело обстоит совершенно иначе: внутренний конфликт на польских предприятиях госсектора сыграл огромную роль в сдерживании мобилизации производителей против стабилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Anisimova L., Senelnikov S., and Titov S. "Fiscal Policy" in **The Gaidar Programme**, ed. M. Dąbrowski, CASE and Freidrich Ebert Stiftung, Warsaw 1993.

Berg A., Blanchard O. "Stabilization and Transition: Poland 1990-1" in **The Transition in Eastern Europe**, eds. O. Blanchard, K. Froot and J. Sachs, Vol.1, NBER, Chicago University Press, 1994.

Chubais A. "The Politics of Mass Privatization", presentation at the **Annual St. Petersburg Conference**, 1993.

Dąbrowski M. (1993a) "Monetary Policy and Inflation" in **The Gaidar Programme**, ed. M. Dąbrowski, CASE and Freidrich Ebert Stiftung, Warsaw 1993.

Dąbrowski M. (1993b) "The State Without Borders: the Gradual Collapse of the Ruble Zone and its Consequences" in **The Gaidar Programme**, ed. M. Dąbrowski, CASE and Freidrich Ebert Stiftung, Warsaw 1993.

Dąbrowski M. and Antczak R. **Economic Reforms in Kirgizstan**, Studies and Analyses No. 28, Centrum Analiz Społeczno-Ekonomicznych — CASE, Warsaw 1994.

Fornalczyk A., Hoffman R. "Demonopolization and Deconcentration of Russia's Economy" in **The Gaidar Programme**, ed. M. Dąbrowski, CASE and Freidrich Ebert Stiftung, Warsaw 1993.

Frydman R., Rapaczynski A., Erle J. **Privatization in Russia, Ukraine and the Baltic States**, Central European University Press, Prague 1993.

Layard R., Richter A. "Who Gains and Loses from Credit Expansion in Russia", **Communist Economies and Economic Transformation**, Vol.6, No.4, 1994.

Rostowski J. (1993a) "Problems of Creating Stable Monetary Systems in Post-Communist Economies", **Europe-Asia Studies**, Vol.45, No.3, 1993.

Rostowski J. (1993b) "The Implications of Rapid Private Sector Growth in Poland", **Discussion Paper**, No.159, Centre for Economic Performance, London School of Economics, 1993.

Rostowski J. (1993c) "The Inter-enterprise Debt Explosion in the Former Soviet Union: Causes, Consequences and Cures", **Communist Economies and Economic Transformation**, Vol.5, No.2, 1993.

Rostowski J. (1994a) "Labour Markets and Wages Policies During Economic Transition", **Studies and Analyses**, No.22, Centrum Analiz Społeczno-Ekonomicznych — CASE, Warsaw 1994.

Rostowski J. (1994b) "The Yugoslav Hyperinflation and Stabilization 1993-4", **Discussion Paper**, Centre for Economic Performance, London School of Economics, 1994.

Rostowski J. "The Banking System, Credit and the Real Sector in Transition Economies", in **Banking Reform in Eastern and Central Europe**, ed. J. Rostowski, Central European University Press, Budapest 1995 (в печати).

Russian Economic Trends, Centre for Economic Reform, Government of the Russian Federation and Centre for Economic Performance, London School of Economics, Whurr Publishers, London.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	3
2. Разработка программы либерализации и стабилизации экономики в России	3
3. Реализация программы	8
4. Структура экономики России	14
5. Политическая структура России.....	18
6. Стабилизация против дискуссии о приватизации.....	20
7. Заключение и послесловие	21
Литература	23